

да упроченія своей личной власти мѣшали имъ понимать общенациональные интересы, какъ политическіе, такъ и хозяйственные, что является основнымъ национальнымъ несчастьемъ монголо-ойрато-калмыковъ еще со временъ Чингисъ-Хана.

Шукуръ-Дайчинъ умеръ въ 1667 году. Наслѣдовалъ ему сынъ его Пунцукъ, второй разъ женатый, какъ выше сказано, на сестрѣ Черкаскаго князя Каспулата.

Онъ и при жизни отца принималъ активное участіе по управленію Калмыцкимъ народомъ, выказывалъ себя способнымъ, даровитымъ человѣкомъ, своими удачными военными походами снискалъ себѣ уваженіе и признаніе въ своемъ народѣ. Вотъ почему его наслѣдованіе отцовской власти не вызвало ни въ комъ возраженія.

Во всѣхъ военныхъ походахъ отца онъ стоялъ во главѣ калмыцкихъ отрядовъ и своимъ военнымъ искусствомъ установилъ за собой имя хорошаго полководца. Въ то время военная доблесть, побѣда надъ иными народами калмыками цѣнилась больше всего. На это дѣло они смотрѣли, какъ на основное условіе благополучія всего народнаго хозяйства, какъ на средство избѣжанія голода и всякихъ хозяйственныхъ бѣдствій.

Вотъ почему Батыръ Убуши-Тюманъ въ цитированномъ выше Сказаніи о дорбонь ойратахъ пишетъ: "Торгоутовскій Хо-Орлекъ во время народныхъ бѣдствій въ Преглѣ-Хомоголѣ /мѣстность/, напавъ на Чжинбулаковъ, Тюркменовъ и Татаръ пропиталъ своихъ подвластныхъ ихъ скотомъ. Зыгарскій Зорикту-Ханъ Тайчки напалъ на казаковъ /киргизовъ/ и припасами ихъ прокормилъ своихъ подвластныхъ. Аюка Ханъ напалъ на Хатай-Хабчиковъ /кипчаковъ/ и тѣмъ доставлялъ подвластнымъ пропитаніе." И причисляетъ всѣхъ этихъ лицъ къ числу пойнонъ "заботившихся о своихъ подвластныхъ во время бѣдствій".

За время своего короткаго управленія Калмыцкимъ народомъ Пунцукъ успѣлъ принять участіе только въ одномъ серьезномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ русскими - въ осадѣ города Яика /Уральска/, занятаго возставшими казаками. За оказанныя услуги подъ Яикомъ изъ Москвы было предложено воеводамъ чинить калмыкамъ ласку и снабжать ихъ царскими милостями.

Пунцукъ умеръ въ 1670 году.

/Продолженіе слѣдуетъ/

Д. Ваянова .

ДЖАНГАРЬ.

Вступленіе.

Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи оригинала "Джангарь" совершенно особенное, не поддающееся описанію.

Обаятельная музыка литературнаго калмыцкаго языка, оригинальность сравненій, безграничная фантастичность гипербола, чисто восточные приемы изложенія - все это въ суммѣ волнуетъ, поднимаетъ духъ и заставляеть мыслями своими перенестись ко "времени зарожденія драгоцѣнностей", къ мѣсту, гдѣ "были собраны всѣ кони быстронogi", гдѣ "при блескѣ /женской/ красоты овищаются всѣ мелкія рыбы, населяющія океанъ" и т. д.

Поэтому взятыя за переводъ красивѣйшаго произведенія націи большая смѣлость. Вотъ почему считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о цѣли своей работы.

1. Переводы, искажающіе смыслъ, не достигаютъ цѣли по существу.

2. Переводы, искажающіе форму при погонѣ за буквальностью, портятъ

впечатлѣніе и общій духъ произведенія. Только переводы, стремящіеся сохранить въ наибольшей степени впечатлѣніе оригинала, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, наилучшимъ образомъ знакомятъ народы иного языка съ даннымъ произведеніемъ.

Въ Джангарѣ красота формы преобладаетъ надъ красотой внутренняго содержанія. Знаніе тонкостей старинныхъ оборотовъ доступно не всѣмъ по той причинѣ, что языкъ былъ въ загонѣ, имъ мало занимались, а если и занимались, то въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ силы внутренняго горѣнія. А рассчитывать на такое горѣніе въ массѣ не приходится. Поэтому наши грамотеи /средніе/ не такъ далеко ушли въ своихъ познаніяхъ и къ таковымъ грамотѣямъ отношу лично себя - отсюда понятно, что претендовать на строгую научность своей работы не могу. Несмотря на это, хотѣлось дать матеріалъ для той части молодой калмыцкой интеллигенціи /заграничной въ частности/, которая считаетъ изученіе родной грамоты "мертвымъ дѣломъ", а памятники старинной литературы "не жизненнымъ, фантастическимъ, не понятнымъ и скучнымъ". Если отъ изложеннаго на чужомъ языкѣ /который, предположимъ, знаютъ лучше родного/ обратнo попытаться перейти къ оригиналу, то для такихъ любителей дѣлается этотъ переводъ.

Можетъ кое-что малопонятное станетъ понятнымъ, тогда явится потребность дальнѣйшей работы въ этой области. Если такъ, то моя дѣль будетъ достигнута - т. е. сказанное по русски пожелаютъ провѣрить по калмыцки и тогда по степени упражняемости вспоминается и обогащается языкъ изучаемаго.

Буду благодарна всѣмъ, кто замѣтитъ недочеты и ихъ укажетъ, чтобы можно было исправить въ новомъ изданіи. Особенно обращаю вниманіе специалистовъ, если таковымъ попадется мой трудъ.

Приношу благодарность настоятелю Буддійскаго храма въ Вѣлградѣ бакашѣ Умальдинову, который подѣлился впечатлѣніемъ о спорномъ мѣстѣ въ моемъ переводѣ /Очировскій сборникъ, глава о женитбѣ Хонгора/ относительно слова "баръ" и "барэ". Это мѣсто вызываетъ сомнѣніе изъ-за грамматической неточности различныхъ изданій. Слово "баръ" - /несомнѣнно/ - барсъ переведенъ былъ такъ, а слово "барэ" - война, армія и владѣнія. По смыслу означанія послѣднее понятіе такъ и переведено въ данной главѣ.

Въ скобки взяты слова и выраженія, кои важны для точности перевода и безъ коихъ можно бы обойтись для формы. Страницы отмѣчены для тѣхъ, кто пожелаетъ провѣрить работу, читая оригиналь.

ДЖАНГАРЪ.

Глава о Докшинѣ-Шара-Гюргю.

Калмыцкая Хрестоматія.
Изданіе 0-ва Востоковѣдѣнія
С.-Петербургъ, 1907 г.

Стр. 93. /Дворецъ Джангара/.
Въ центрѣ висотъ Шикиръ-Лу,
У устья рѣки Шилта-Занданъ,
У истока обширныхъ водъ Шарту,
У подошвы Лысой Вѣлой горы,
У склона 12-ти остроконечныхъ скалъ
Славнаго Джангара дворецъ ..
Разбросанные по всему міру,
По берегамъ океанъ Бомбо
Семь милліоновъ подданныхъ
Окружаютъ бѣлый круглый дворецъ ..
Дворецъ тотъ о 84 "тэрмъ", I/

У каждой "тэрмъ" по 1000 "унинъ" 2/
Каждый "унинъ" украшенъ лвынскими
КЛЫКАМИ.

"Тэрми" тѣ скрѣплены только
Лишь слоновыми костями,
Кровяно-красной краской крашены,
Масломъ звѣря "Маджи" смазаны.
Порогъ изъ крѣпкаго сандаловаго де-
рева,

Дымникъ цвѣта краснаго "кюджи"
Съ серебряными перекладами.

I/ рѣшетки кибитки.

2/ шести кибитки.